

ОДЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. И. И. МЕЧНИКОВА

На правах рукописи

ПЕРВАНОВ Явор Ангелов
гражданин Болгарии

ИМПЛИЦИТНЫЕ АСПЕКТЫ НОМИНАЦИИ
В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Ю.Ю.Ю - теория языкознания

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Одесса - 1995

ДВ 31.000

Работа выполнена в Одесском государственном университете
им. И. И. Мечникова

Научный руководитель - доктор филологических наук,
профессор Карпенко Юрий Александрович

Официальные оппоненты - доктор филологических наук, профессор
Таранец Валентин Григорьевич

- кандидат филологических наук, доцент
Скляренко Алексей Михайлович

Ведущая организация - Измаильский педагогический институт

Защита состоится 31 марта 1995 года в 13.00 на заседании
специализированного совета, шифр К 068.24.08 по филологическим
наукам в Одесском государственном университете по адресу: 270058,
г. Одесса, Французский бульвар, 24/26, ауд. 129.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Одесского
государственного университета.

Автореферат разослан "15" февраля 1995 года.

Ученый секретарь
специализированного совета,
доцент

Н.М. Тхор

ЛННБ України ім. В. Стефаніка

00756140 (N)

ЛННБ ім. В. Стефаніка
АН України

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В настоящей диссертационной работе исследуется проблема имплицитного выражения смысла в языковых структурах, а также имплицитность знака как межъязыковой феномен.

Актуальность работы определяется как нарастающим интересом к сопоставительно-типологическому изучению языков, так и попытками обобщить накопившиеся наблюдения специфики языкового выражения на разных уровнях, поиском адекватных моделей соотношения языкового и внеязыкового в рамках функционалистического исследования языка.

Интересуясь в принципе всем тем, что предшествует, сопутствует и речкает из речеупотребления языка, лингвисты неоднократно отмечали, что универсальный для языка принцип избирательности наименования /отношение между некоторым фактом А и именем В всегда обусловлено противопоставлением "существенное - несущественное" / по сути является частью аффективно работающего механизма общения. Подбор речевых средств из языкового массива осуществляется не только по эксплицитным правилам, схемам. Он сочетает также знание "теневых", скрытых категорий [Кацнельсон, 1972], использование потенциальной информативности означающих [Гальперин, 1976], вертикального контекста [Ахманова-Губбенет, 1977], подтекста [Димитрова, 1984], вторичной номинации [Гак, 1977], некатегориальных значений [Бондарко, 1976], имплицитное формальное обозначение [Hausenblas, 1972] и др.

Предметом исследования служат русские и болгарские глаголы и лексикографические интерпретации их значений.

Материалом исследования послужили толковые, синонимические, фразеологические и переводные словари русского и болгарского языков. Примеры, взятые из художественных и публицистических текстов, привлекаются в качестве иллюстраций: специфика настоящего исследования не предполагает их систематизации.

Указанные лексикографические источники обработаны методом сплошной тематической выборки. На первом этапе такая выборка производилась отдельно для русского и болгарского языков: основным объектом стали глаголы, выражающие определенные типы действий - экспансивные. Учитывая разные возможности однотомных и многотомных толковых словарей, мы остановились на первых. Выбор продиктован желанием дать не всесторонний, а примерный анализ семантических импликаций глаголов, для чего достаточны критерии, предъявляемые

к однотомиым толковым словарям. Однако в р. з случаев обращение к академическим словарям давало возможность уточнить смысловую специфику анализируемых слов.

На втором этапе, совпадающем с исследованием имплицитности как межъязыкового явления, мы использовали данные переводных словарей. Список глаголов, обозначающих экспансивные действия, расширялся по мере того, как устанавливались отношения их эквивалентности. Обработано свыше 70 000 страниц словарного текста. Что касается "объема памяти" словарей и различий в толкованиях и словарной систематизации значений многозначных слов, то в наши задачи не входит критическая оценка усилий лексикографов, тем более что работа над многотомным академическим словарем болгарского языка еще продолжается.

Цели и задачи работы. Основными целями настоящего исследования являются установление семиотических оснований имплицитности, типизация этих оснований и создание адекватной модели соотношения языкового и подязыкового как для одного языка, так и для двух языков, находящихся в отношении близкого родства.

Для достижения этих целей решались следующие задачи:

- логико-методологический анализ имплицитного;
- определение имплицитности;
- системная организация тезауруса и вербальные модификации семантики действия;
- типологическая классификация предикатов, обозначающих экспансивные действия /на примере русского языка/;
- сопоставительный анализ имен ликвидирующих действий в русском и болгарском языках в рамках межъязыковой модели тезауруса.

Цели исследования определяют положения, выносимые на защиту:

1. Имплицитность знака с точки зрения формального определения есть проекция значения на плоскость тезауруса: это порождает эффект расширения предметной и понятийной сферы, к которой слово может быть приложено в качестве номинации. Связь лексического значения с концептуальною картиной мира является вертикальной.

2. Содержательное определение имплицитности должно учитывать горизонтальные связи между языковыми единицами в тексте и отношения дополнительного выражения, которые возникают в парадигматике языка /в том числе и отношения межуровневой парадигматики/. При этом существенную роль играет дихотомия языка и речи: язык как средство и язык как продукт сообщения не совпадают. В языке как средстве нет ничего невыраженного, подразумеваемого, это противоречило бы его

экспрессивной функции. В то же время в самом механизме воспроизводства языковых единиц заложена возможность избирательного выражения: выбор порождает коллизию между наличным тезаурусным фондом и теми компонентами смысла, которые подвергаются вербализации. Отсюда бесконечная цепь импликаций, компенсирующих это несоответствие и устанавливающих подвижный семиологический баланс между формами мышления, структурами языка и компонентами ситуации.

3. Принципиально возможны два подхода к анализу имплицитного. Один из них рассматривал бы язык как продукт сообщения /тексты/ и распределение информации в частях текста. Тогда имплицитность имеет конкретное основание - структура сообщения, переход от известного к новому содержанию и отсылки к предыдущим частям сообщения. В таком плане рассматривается контекстуальная имплицитность, эллипсис, подтекст, текстовые пресуппозиции и т.д.

Второй подход связан с тезаурусными импликациями языковых значений. Они присутствуют как на словарном уровне, так и в текстах. Специфика этого подхода состоит в необходимости моделирования связей языковых значений с элементами концептуальной картины мира. Другими словами, речь идет о необходимости создания тезаурусной типологии значений, ориентированных на схемы событий. Такая типология предложена в настоящем исследовании под наименованием "типы экспансивных действий". Схема экспансивного действия включает субъект /X/ и его сферу, объект /Y/ и его сферу, наравноправное /непаритетное/ отношение между X-ом и Y-ом и указание на результат, где ущерб и/или выгода распределяются между участниками события неравномерно.

4. Глаголы, могущие обозначать экспансивные действия, являются выразителями тезаурусной семантики экспансивного действия. Она богаче значения любого отдельно взятого слова. В этом состоит его имплицитность. Тем не менее глаголы, взятые в своей совокупности, дают сравнительно полную /хотя и преломленную через собственно грамматические категории и типы предикатов/ картину экспансии. Это позволяет рассматривать их как макрогруппу словаря, которая членится на подгруппы по принципу семантического поля. Таким образом выделяются фрагменты тезаурусной схемы, а их глагольное обозначение рассматривается как типизация экспансивных действий.

5. Последнее обстоятельство допускает возможность проведения сопоставительного исследования русских и болгарских глаголов с точки зрения их экспликативной избирательности и имплицитных свойств при отражении концептов схемы. Близкородственные языки, какими яв-

ляются русский и болгарский², в обозначении экспансивных действий сохраняют большую историческую инерцию, что проявляется в феноменальной близости их лексиконов. С учетом этого обстоятельства, а также вертикального единства источника - схемы экспансивного действия, сравнение глаголов может осуществляться в терминах двоичных знаков действия, распадающихся на левую /русский/ и правую /болгарский/ части. Обнаруживающиеся при этом диспропорции между частями двоичного знака свидетельствуют о различиях между языками. Эти различия отражены в понятии "семантическая поляризация экспансивного действия". Учитываются только те различия, которые прямым или косвенным образом имеют отношение к схеме экспансивного действия.

Характер исследования обусловил необходимость использования разных методов, включая интроспективный анализ, принципы теории семантического поля, метод анализа словарных дефиниций, правил симметрии-асимметрии языковых структур. Принципом сопоставительного описания лексики является понятие двоичной модели обозначения.

Научная новизна работы связана с выработкой нескольких гипотез и попыткой их последовательного обоснования. Первая гипотеза выдвигает на передний план подязыковые аспекты семантики полнозначных слов. Термин подязык мы употребляем совсем не в том значении /"разновидность функционального стиля"/, с которым его связывают многие русские лингвисты. В нашем понимании подязык /или тезаурусные схемы/ - это психосемантическая реальность, требующая выражения средствами языка. К сожалению, подобрать другой термин для выражения этого смысла не удалось.

Вторая гипотеза обращена к макроструктурам словаря: в качестве одной из них рассматривается схема экспансивного действия и тройкий аспект ее вербализации: а/ онтология действий; б/ аксиология действий; в/ концептология действий, или типы экспансивных действий.

Третья гипотеза связана с сопоставительно-типологическим методом: представлен вариант исследования лексики двух языков, для которой установлен тезаурусный источник /подязык/, средства /язык А и язык В/ и отношение /двоичная модель тезауруса/.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что предлагаемый подход к изучению имплицитности может стать вкладом в общую теорию языкового выражения. Разработана методика сопоставительного анализа родственных языков в рамках двоичной модели. Определены основные типы отношений между элементами двоичных знаков

/дизъюнктивные, конъюнктивные, диффузные/ с учетом формы и содержания знака.

Практическая ценность диссертации. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы в переводческой практике, при чтении курса лекций по болгарскому языку. В перспективе работа направлена на создание словаря имплицативных связей слов.

Апробация работы. Основные положения работы изложены при обсуждении диссертации на кафедре русского языка Одесского госуниверситета, а также в докладе на научной конференции профессорско-преподавательского состава и научных работников Одесского госуниверситета в 1991 году. По материалам работы имеются три публикации.

Структура диссертации. В соответствии с поставленными перед исследованием целями и задачами диссертация состоит из введения, трех глав /глава первая "Коммуникативные аспекты номинации. ИмPLICITная номинация", глава вторая "Тезаурусная схема экспансивного действия и ее лексические параметры", глава третья "Семантическая поляризация экспансивного действия в русском и болгарском языках"/, заключения, списка использованных научных работ и словарных источников. Частично данные сопоставительного исследования представлены в сводной таблице /глава третья/.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы; намечаются задачи и метод исследования; показана научная новизна, практическая ценность работы; приводятся положения, выносимые на защиту.

Первая глава посвящена теоретико-методологическому аспекту исследуемой проблемы, обзору и анализу существующих точек зрения на проблему имплицитного. Приводится краткий анализ типов имплицитных связей, а также некоторые вопросы взаимодействия языка и тезаурусных компонентов сознания.

Однорядность понятий "имплицитный", "невыраженный" часто рассматривается как равенство этих понятий. Но имплицитное выражение не равно отсутствию выражения, а чаще обнаруживается в специфике комбинации речевых единиц. Это проявляется в текстах /эллипсис контекстуальный/, в моделях синтаксиса /эллипсис модельный/.

Термины имплицитный и подразумеваемый свободно чередуются в лингвистических исследованиях. Анализ примеров, цитируемых в разных источниках, привел к заключению, что во всех случаях подразумевания обнаруживается ассоциативный потенциал говорящего: он может наделять значения формальными функциями, в частности, функцией выраже-

ния некоторого блока смыслов. В терминах психологии это может осмысливаться как бисоциативность, в терминах логики - как импликация $A \rightarrow B$, в семантической теории поля - как компактный фрагмент семантики с организующим вербальным ядром, в прагматике - как связь пропозиции с пресуппозициями и т.д.

Основания имплицирования могут быть заложены в самом тексте /отношения дополнительности между фрагментами текста, шаговое разветвление информации, анафора, отсылки к предтексту и др./ . Можно видеть, осязая предмет речи и не называть его, это являлось бы информационным пропуском, но не структурной недостаточностью сообщения.

Вместе с тем есть общее семантическое основание имплицирования, касающееся всех без исключения полнозначных слов: опыт /тезаурус, фоновые знания, энциклопедическая информация/ говорящего.

Референция слова двояка. Прямая референция направлена на объект номинации, выделяя его из сферы вещей, признаков, состояний. Обратная референция слова вводит понятие об объекте в более общую сферу сознания - в совокупность тезаурусных схем, в концептологию и аксиологию носителя языка. Имплицирование - феномен обратной /обращенной к тезаурусу/ референции номинаций. Отсюда эффект расширения предметной и понятийной области, к которой слово может быть приложено в качестве наименования.

Имплицитность - это специфическая функция слов в составе речевых номинаций /высказываний/, которая лежит на пересечении отношения ряда номинаций по вертикали, составляющих своего рода вербальную палитру ситуации /номината/, и отношений тиражирования узкого семантического пространства тезауруса, устанавливаемых на базе категориальной и лексической семантики соответствующих слов.

Конвенциональный характер языка не дает оснований считать, что в нем есть что-то невыраженное - это противоречит его экспрессивной функции. Но нельзя утверждать, что он функционирует в сфере, внешней человеческому сознанию. В силу изложенных обстоятельств исследование имплицитных аспектов номинации, оставаясь в сфере языка - орудия общения, невозможно без когнитивного анализа значений по определенной схеме, аналогичной структуре фрагмента тезауруса. Такое предположение обосновывается во второй, эмпирической части диссертации.

Вторая глава представляет исследование соотношения языка и тезаурусных компонентов сознания /на примере русских глаголов/. Выдвигаются следующие понятия:

"Схема экспансивного действия". Определение: совокупность элементарных понятий, связанных с обобщенными образами и оценками, которые отражают восприятие человеческой активности под специфическим углом зрения: с точки зрения того, какие действия, поступки X-а влияют на окружающих /У-а/, как осуществляется это влияние, в какой степени оно соответствует намерениям X-а и У-а, общеприняемой норме, в каких пределах осуществляется это воздействие, как распределяются ущерб и/или выгода между двумя участниками действия /или X-ом и участником ситуации, находящимся в отношении непреднамеренной партиципации/.

Схема экспансивного действия опирается на значительную часть лексического массива языка. Основными выразителями экспансивного отношения являются глаголы.

"Объект экспансии" - У и его сфера. Объектом экспансии может быть практически все:

- а/ статус личной свободы /угнетать, поработить, приструнить/;
- б/ свобода передвижения /арестовать, связывать, сажать/;
- в/ статус чести /оскорблять, позорить, насмехаться/;
- г/ статус спокойствия /тревожить, запугивать, шантажировать/;
- д/ статус собственника /отнять, украсть, обездолить, захватить/;
- е/ статус члена объединения /разлучить, посорить, оккупировать/;
- ж/ физическая неприкосновенность /бить, душить, калечить/;
- з/ право на жизнь /убивать, расстреливать, отравить/ и т.д. и т.п.

"Уровни осмысления экспансивного действия". Мы предполагаем, что существует не более двух уровней осмысления экспансивного действия - это уровень понятийных и уровень аксиологических категорий. В семантике имени может доминировать один из них /аксиологические предикаты, система оценок "хорошо - плохо", "нормально - ненормально", "справедливо - несправедливо", "полезно - вредно" и т.д./ либо другой /уровень обобщения события, типизация действий по онтологическим признакам и результату действия, деление имен на абстрактные и конкретные, типы падежа и т.д./ . Они также могут выступать в симбиозе, так что их вычленение представляет емкую и противоречивую процедуру.

"Типы экспансивных действий". Типизация экспансивных действий и попытка приблизительной классификации имен из экспансивной части словаря не имели бы смысла, если бы тем самым не утверждалось, что тезаурусная схема экспансивного действия состоит из значимых частей,

фрагментов. Отнесение имени действия к определенному типу по идее должно свидетельствовать о том, что по своим имплицативным возможностям оно может выражать семантику определенного фрагмента тезауруса вне зависимости от эксплицируемых в речи смысловых признаков, а также вне зависимости от характера актантов. Речь идет о глубинной привязанности лексического значения к некоторому концептуальному или аксиологическому ядру схемы, в котором конкретные сущности, "адреса" лишь предполагаются.

Осмысление экспансивных действий и отнесение их к определенным типам может производиться либо по онтологическим, либо по семантическим критериям. Совмещение этих критериев дает картину, при которой средства обозначения, оставаясь в рамках одного типа экспансии, тяготеют к разным способам обозначения и к разным семантическим типам.

1. Ликвидирующие действия. Это действия, приостанавливающие существование чего-н..лудь. В общем случае ликвидирующее действие является экспансивным тогда, когда объект действия представляет собой некоторую ценность. Семантика ликвидирующих действий стоит "за кадром" глаголов, обозначающих ситуативные признаки: таранить, бомбить, вешать, глушить, громить /перспективные глаголы/. Она присутствует в глаголах, обозначающих онтологический результат действия: уничтожать, убивать; победить, разрушить /эпilogовые глаголы/. Первая и вторая группы глаголов находятся в отношении дополнительности.

2. Деформирующие действия. Понятие о деформирующем действии базируется на представлениях о целостности, жизнеспособности У-а, полноте проявления его свойств, внешней форме, соответствующей норме и целесообразности. В аксиологии говорящего объект, обладающий этими свойствами, оценивается положительно, отсутствие какого-либо из этих свойств оценивается как дефект, деформация, ущербность. Отсюда негативное в целом отношение к действиям Х-а, производящим либо по объективным результатам приводящим к состоянию деформации. Примеры: бить, кусать, рвать, мять, утомлять и др. В исследовании представлены лексические параметры схемы деформирующего действия.

3. Аксицирующие действия, или действия, в результате которых сфера обладания У-а уменьшается на какую-то долю. Основное формально-семантическое различие между именами, отсылающими к этому фрагменту схемы, состоит в экспликации объекта экспансии:

а/ глаголы, эксплицирующие действие и объект а из сферы У-а: воровать; красть; захватить; присвоить и т.д.;

б/ глаголы с эксплицитным отношением Х → У /объект а смещен в тезаурус/: обвесить; обворовать; обделить; разорить; грабить и т.д.;

в/ глаголы с эксплицитным отношением $X \rightarrow Y$ /а/ либо $X \rightarrow aY$ /совмещают в своей предикатной структуре переменные а, Y в обязательном порядке/: разоружить; обездолить; отнять; забрать; лишить, взимать и т.д.

4. Дезориентирующие действия состоят в подаче Y-у ложной либо искаженной информации, или это своеобразная экспансия в гносис Y-а. Примеры: маскировать, исказить, подделывать; хитрить, лицемерить, симулировать, дукавить; обмануть; гипнотизировать; удивить, изумить, осадачить; манить, подкупать, соблазнять и т.д. и т.п.

5. Проникающие действия /действия девальвации Y-а/. Аксиологический паиенс этих действий - Y, оцененный ниже положительной для случая шкалы оценок. Вот краткий перечень имен, обслуживающих этот фрагмент схемы: винить, изобличать, ругать, клеимить, члнять; обзывать; отлучить, выгнать, уволить; бунтовать, бастовать, порвать /с кем/, отречься; позорить, стыдить и т.д.

6. Блокирующие действия.

7. Действия вмешательства.

8. Провоцирующие действия.

9. Регулирующие действия.

10. Экспансивное поведение. Схему экспансивного действия обслуживает ряд безобъектных оценочных глаголов, представляющих с формально-логической точки зрения "вырожденные понятия" экспансии. Имена из аксиологического ряда, собственно говоря, не называют ситуацию, а интерпретируют ее в оценочных категориях /ср.: тиран → тиранствовать; критиковать → критиканствовать/. И если задаться вопросом, почему в языке появляются подобные предикаты, то один из ответов будет таким: чтобы отчеканить образ X-а, чтобы выделить его из семантики отношений и представить в неприглядном виде. Примеры: паразитировать, распутничать, зверствовать /устойчивые экспансивные качества/; важничать, капризничать, наглеть, хулиганить /действия утверждения себя в качестве лидера/; баламутить, бедокурить, скандалить, воевать /действия, вносящие хаос/; беситься, буйнить, стервенеть, гневаться /состояния аффекта/; ехидничать, злословить, дерзить, браниться /действия вербальной экспансии/ и т.д.

Сколько бы ни были специфичны значения языковых средств, они отражают некоторые закономерности, которые /по крайней мере, в соответствии с традицией/ нельзя назвать собственно языковыми. Важнейшая из этих закономерностей - тезаурусная ориентация значения имени. Сюда входят: а/ отношение имени к сфере X-а и сфере Y-а; б/ способность слова своими семантическими признаками отсылать к определен-

ному типу или типам действий, которые в нашем представлении образуют фрагменты схемы; в/ тезаурусная мотивированность значения имени /имя как трансформатив экзистенциальных признаков объекта экспансии/; г/ имплицитивные связи между именами, поддерживаемые целостностью семантики действия, или концептуальным каркасом действия.

В третьей главе предпринята попытка сопоставительного описания макрогрупп русских и болгарских глаголов, ориентированных на передачу семантики экспансивных действий.

Предлагаемый нами подход - это попытка выявить соотношения двух систем на словарном уровне, но так, чтобы эти слова были ориентированы на подязыковую реальность и лишь потом - на речевые акты. На первом месте стоит типология действий, обозначаемых глагольными именами. Эта типология ориентирована на онтологический результат, что позволяет отнести ее к универсалиям, не зависящим от способа обозначения действия /ср.: лгать - обманывать - придуриваться - мошенничать - вводить в заблуждение; обвесить - обмерить - обсчитать; лжец - обманщик - фальсификатор - лжесвидетель; лживые слова - обманчивый жест - фальшивая улыбка; ложь - обман - подделка и т.д./.

Наиболее общий принцип гласит: отношение между семантикой фрагмента тезауруса и /группирующимися в лексико-семантические поля/ средствами языка А является отношением экспликации схемы. В нем выражается специфика языка А /в нашем случае такое отношение было установлено для русского языка/. Обозначим эту связь как вертикальную. Родственные языки А и В сохраняют эту связь в генетическом плане /зона сходств, обусловленных генетическим родством/. Перестановка семасиологических акцентов, вхождение иноязычной лексики, угасание единых для А и В ассоциаций между формами и значениями приводят к ситуации существования схемы в двух ипостасях: отношение различия между языками является вместе с тем и отношением двойственности обозначения фрагментов схемы. Эта межъязыковая ситуация может быть обозначена термином семантическая поляризация действия, а знаки А и В могут рассматриваться как двоичные знаки. Отношения этого типа являются горизонтальными.

Имплицитность как межъязыковой феномен определяется диспропорциями в структуре двоичного знака.

Двоичный знак имеет полярную структуру, обусловленную двойственностью объекта /родственные языки/. Его левая д и правая д части связаны отношениями двойного типа. Отношения первого типа являются аналогом логической конъюнкции: условием является отсылка к одному и тому же фрагменту схемы. Двоичный знак является гомогенным, если

на его полюсах сохраняется относительное тождество форм и семантического тождество элементов [о различии между семантическим и лексическим тождеством см. Червенкова, 1982].

Наоборот, он является гетерогенным, если наблюдается формальное несоответствие при тождественности семантического компонента /б. беса - р. вешать; б. сривам - р. разрушать/. Двоичный знак является пустым, если он устанавливается лишь на общих ассоциациях слов /р. сваливать - б. свалям 'снимать'; о формально сходной лексике двух языков см. Чонгарова, 1992; Червенкова, 1992). Аналогом двоичного знака, или "ложным" двоичным знаком, являются случаи межъязыковой омонимии типа р. приказывать - б. приказрам 'говорить' /подыгрывать - подигравам 'смеяться над кем-либо', бранить - браня 'защищать' / мы не касаемся путей возникновения отношений омонимии для каждой из указанных пар слов/.

Отношения второго типа между компонентами двоичного знака являются аналогом логической дизъюнкции: условием дизъюнкции является центробежная тенденция, характерная для каждого из компонентов в отдельности /частное проявление принципа асимметричного дуализма знака, обоснованного С.Карцевским/.

В силу семантического тяготения членов а и в знака к выражению других смыслов, в структуре гомогенного двоичного знака наблюдаются диспропорции. Адекватное отображение этих диспропорций на межъязыковом уровне возможно в терминах соположенных гетерогенных /лишенных формальной связи/ знаков, например: драть - клеваять, лжа /някаго/ - обманывать.

Наряду с этим понятие гетерогенного знака охватывает следующие разновидности связи:

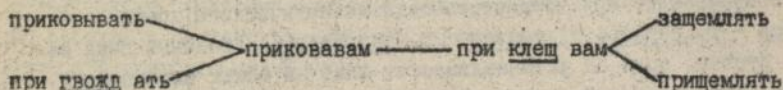
1/ Семантические пропорции, устанавливаемые *ad hoc* для многозначных слов в двух языках. Если значения обозначить цифрами, то гетерогенные знаки этого типа представляют конъюнкцию исходного /оценочного/ значения элемента а с вторичным /оценочным/ значением элемента в при условии, что элемент в в своем исходном значении входит в другой гомогенный или гетерогенный знак, например:

портить	развалим	разваливать
1. _____	1. _____	1. _____
2. _____	2. _____	2. _____

При этом наблюдается скольжение вторичных значений слов в сторону другого фрагмента схемы: для б. развалим от ликвидирующего к действиям аксиологической девальвации /развалим си мнение за ня-

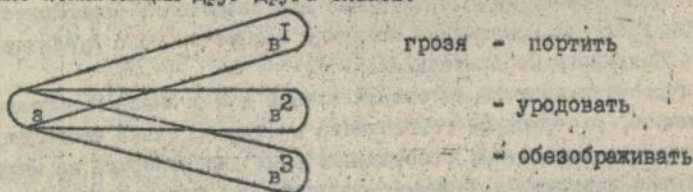
кого/ и к деформирующим действиям /развалам хлеба /понижать качество хлеба/. Знак портить - развалам представляет частный случай асинхронных гетерогенных знаков.

2/ Семантические пропорции, устанавливаемые на базе единства моделей номинации, с учетом дизъюнктивных вариантов обозначения:

Семантические диспропорции порождаются избирательностью внутреннего компонента слов в одном из языков при одной и той же семантике действия.

3/ Семантические пропорции, устанавливаемые с некоторой долей вероятности. Это случай, когда нельзя определить однозначно соотношение между элементами α - и элементами β -систем, в силу чего пропорция строится на равно вероятностном, паритетном объединении уникального элемента α и элементов $\beta^1, \beta^2, \beta^3$ в ряд соположенных, взаимно исключающих друг друга знаков:

Обратной стороной этой пропорции является нарочитое исключение дифференциальных семантических признаков элементов β . Это знаки с односторонней дизъюнктивной связью.

4/ Семантические пропорции, устанавливаемые на уровне дескрипций или общих дефиниций действия. Например, дефиниция 'останавливать, удерживать кого-что-л. каким-н. образом' является общей для следующих глаголов: хватать, ловить, хватаю, ловя; удить, арканить, тралить, треножить, впримчивам. Мы установили, что для болгарского языка не характерно синкретическое обозначение блокирующего действия и инструмента, в лучшем случае для этого требуется совмещение в имени пространственного и инструментального обозначения /д-примчивам/. Это продиктовано отсутствием образца. Пропорция возможна лишь в развернутом обозначении, включающем один из глаголов общей группы /ловя с вьдица, хватаю на вьдицата/.

С учетом изложенных представлений о двоичной модели фрагмента тезауруса дан примерный анализ семантической поляризации ликвидаци-

рующих действий в русском и болгарском языках. Результаты этого анализа представлены в сводной таблице.

Язык как средство находится в речи между двумя рядами тезаурусных схем. А значит, он в известной мере подчиняется им, что мы и называем тезаурусной мотивацией языковых значений. С другой стороны, эта зависимость не является "кабалой". Во-первых, потому что она отливается в имплицитивные отношения слов, в комбинаторику средств и таким образом является выражением, экспликацией тезаурусной семантики. Во-вторых, хотя связь содержания и формы является закономерностью, содержание может принимать разные формы, что мы и наблюдаем в типологии языков.

Понятие "подязык" служит рабочим определением тезаурусных схем реального мира и обращено непосредственно к концептуальной картине действительности. Элемент "язык" в данном понятии указывает на две особенности: а/ язык не безразличен к таксономии предметного и событийного мира; б/ язык заключает в себе некоторые универсалии, которые нельзя объяснить языковыми причинами.

В Заключении приводятся общие результаты исследования.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. О необходимости ситуативного подхода к явлениям имплицитности в номинации // Исследования лексической и грамматической семантики в русском и украинском языках.- Одесса: ОГУ, 1989.- Деп. в ИНИОН АН СССР-7.02.89, № 36908.- 12 с.
2. К вопросу об имплицитности компонентов текста // Материалы первой областной науч.-практ. конф. /Одесса, 29-31 марта 1990 г./.- Одесса: ОГУ, 1990.- С. 81-85.
3. Фронтальная модель в языке пьес Ю.К.Олеши //Язык и стиль произведений И.Э.Бабеля, Ю.К.Олеши, И.А.Ильфа и Е.П.Петрова.- К.: УМК ВО, 1991.- С. 108-114.

Pervanov Y.A. Implicit aspects of nomination in the Russian and Bulgarian languages.

Thesis for a degree of candidate of science in the field of philology in the speciality 10.02.19 - theory of linguistics. Odessa State University. Odessa, 1995.

The scientific work which is being defended contains the results of theoretical analysis of implicitity as lingual and interlingual phenomena and also comparative studies of russian and bulgarian verbs designating expansive actions. The sources of implicitity have been revealed and explained. The universal ground of comparing cognate languages in terms of the binary model of designation has been used. A classification of the binary signs of expansive actions has been suggested, disproportions in semantics and structure of the binary sign have been exposed.

Перванов Я.А. Імпліцитні аспекти номінації в російській та болгарській мовах.

Дисертація на здобуття наукового ступеня кендидата філологічних наук з спеціальності 10.02.19 - теорія мовознавства. Одеський державний університет. Одеса, 1995.

Захищається наукова робота, що містить результати теоретичного аналізу імпліцитності як мовного і міжмовного явища, а також зіставне дослідження російських та болгарських дієслів, що означають експансивну дію. Виявлено й пояснено джерела імпліцитності. Використано універсальну основу зіставлення споріднених мов у термінах двоїстої моделі позначення. Запропоновано класифікацію двоїстих знаків експансивної дії, виявлено диспропорції в семантиці та структурі двоїстого знака.

Ключові слова: схема експансивної дії, двоїста модель тезауруса, типи експансивних дій, субмова, імпліцитність.

сш сч № 26-100 7 12 96

ЛНБ ім. В. Стефаника
АН України

AB 31.856
AB 31.856